

БОРЬБА КЛАССОВ

СОДЕРЖАНИЕ

7-8

1932

ПЕРЕДОВАЯ 2

И. СТАЛИН

О ПОЛИТИЧЕСКОМ ПОЛОЖЕНИИ (доклад на VII съезде
партии) 7

БЕЛА КУН

О ВОЙНЕ И ВОЕННОЙ ОПАСНОСТИ 11

Е. КОРОВИН

КАК НАЧИНАЮТСЯ ВОЙНЫ 32

А. ЕРУСАЛИМСКИЙ и Ф. МИЛЛЕР

О РАЗОРУЖИТЕЛЬНЫХ КОНФЕРЕНЦИЯХ 48

Е. НАВИНА

КАК ИМПЕРИАЛИСТЫ ОРГАНИЗУЮТ ПРОПАГАНДУ 60

Л. КРИЦМАН

ЗАХВАТ БЕССАРАБИИ 70

ИСТОРИЯ ВКП(б) И КОМИНТЕРНА

ФЕРРА

ОБРАЗОВАНИЕ ФРАНЦУЗСКОЙ КОМПАРТИИ 85

КЛАССОВАЯ БОРЬБА НА ВОСТОКЕ

ДОКУМЕНТЫ О ПОЛОЖЕНИИ В СОВЕТСКИХ РАЙОНАХ
КИТАЯ 114

ЗОРИН

ИЗ ИСТОРИИ ВОССТАНИЯ КИРГИЗОВ И КАЗАКОВ В 1916 г. 128

БИБЛИОГРАФИЯ

КУГЕЛЬ

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В ЭПОХУ ИМПЕРИА-
ЛИЗМА (документы из архивов царского и временного
правительства 1878—1917 гг) 140

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР **М. Н. ПОКРОВСКИЙ**

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ: **Б. ВОЛИН** (зам. отв. редактора)
Л. МЕХЛИС, А. ПАНКРАТОВА, И. ТОКИН (ответств. секретарь)

АДРЕС РЕДАКЦИИ: МОСКВА, ТВЕРСКАЯ, 8, ТЕЛЕФОН 4-85-62

ОФОРМЛЕНИЕ КОМЕРА
и
ВОДБОР ИЛЛЮСТРАЦИЙ
Варвары
Отепановой

Интересные данные приводит допрашиваемый о деятельности волостных управителей из местных баев и мананов: когда молодежь отказывалась идти по призыву на тыловые работы, управители просили уездного начальника дать войска для того, чтобы заставить молодежь (конечно не из мананских и байских семей, а из семей дехкан-бедняков) подчиниться приказу.

Несмотря на то, что допрашиваемый принадлежал к местным выборным из мананов, его показания представляют большой интерес для характеристики как колониальной политики царизма, так и для классовых отношений в Киргизии и Казакстане, для характеристики восстания 1916 г.² Второй документ — «докладная записка» офицера азиатской части генерального штаба — рисует положение мобилизованных на тыловые работы. Этот документ представляет значительный интерес для изучения некоторых сторон колониальной политики царизма в годы империалистической войны и политики временного правительства.

² Документ печатается нами с небольшими сокращениями. В частности выброшен перечень имен, который ничего не дает читателю.

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА, ПРОИЗВЕДЕННОГО РОТМИСТРОМ ЖЕЛЕЗНЯКОВЫМ

*1916 года, ноября 20 дня,
в гор. Верном.*

Я, отдельного корпуса жандармов ротмистр Железняков, на основании правил о местностях, объявленных стоящими на военном положении, допрашивал нижепоименованного, который через переводчика Джайнакова показал:

«На предложенные мне вопросы отвечаю:

Я начал свою общественную деятельность с 25 лет, занимая разные выборные должности по народному управлению. Первое время моей службы по выборам отношение с русским населением было хорошее, ни ссор, ни других недоразумений не было.

В то время начальство в лице уездных начальников в выборы не вмешивалось, и выборы шли шарами. В Пишпекском уезде так шло, пока не ушел с должности уездного начальника Затинщиков, который соблюдал интересы киргизов, а со вступлением лет шесть тому назад на должность уездного начальника подполковника Пушинцева порядок выборов изменился, а именно: под давлением начальства начались выборы только богатых людей. Делалось это так. Богатые люди были близки к уездному начальнику Пушинцеву, участковому приставу Токмакского участка Ку-

тукову, а после него Байгулову, заведующему полицейской частью Меньшикову. И эти начальники в пользу богатых людей оказывали свое влияние на выборы. Так под давлением уездного начальника был выбран волостным управителем Толкановской волости Анжир Узбеков, а в Джанменсартовской волости Дардуил Абдулин. Эти лица восполняли свои расходы с населения. По всему видно, что они платили уездному начальнику. Так в этих волостях собирались деньги «чыгын» со специальным показанием, что это для уездного начальника. Под давлением уездного начальника Пушинцева и бывшего пристава Кутукова прошел в волостные управители Сусамырской волости Туркпен Сарпеков и в той волости собрали «чыгын» и для Пушинцева и для Кутукова. Я забыл сказать, что Дардуил Абдулин был взят после окончания времени своего управления переводчиком Пишпекского уездного управления.

В Атекинской волости под давлением Байгулова прошел Балимбер Баранбаев. Давление заключается в том, что во время аульных выборов, когда выбираются выборщики в волостные, выборные по приказанию руководителя выборами — уездного начальника или пристава, если видят, что больше народа на стороне противника их протезе, то при помощи джигитов пугают выборщиков и признают за большинство именно ту партию, которая стоит на стороне его протезе. Таким образом от этого именно «большинства» согласно степного положения выбираются все выборщики, независимо от того, сколько бы-

ло на противоположной стороне, по одному от 50 кибитковладельцев—все выбираются от большинства. Таким образом и на волостном сходе выборщики оказываются в большинстве от протезе уездного начальника или пристава. «Чыгын» для начальника собирается со всех кибитковладельцев. Дело в том, что деньги обыкновенно платятся начальству до выборов и после выборов собираются с кибитковладельцев. Выборы в волостные управители и на другие должности были в прошлом году. Осенью в прошлом же году объезжал загорные волости пристав Байгулов и заведующий Загорными волостями Меньшиков, а после их проезда собирали по Абаильдинской волости «чыгын» по 1 р. 50 к., в Кочкорской волости по 3 рубля, в Темирбулатовской по 1 р. 50 к., в Абаильдинской волости около 1.000 кибиток, в Кочкорской около 900, а в Темирбулатовской около 500. В январе месяце этого года вновь приезжал пристав Байгулов с Меньшиковым, а после их приезда собирали «чыгын»: в Абаильдинской волости по 1 р. 70 к. с кибитки, в Темирбулатовской по 1 р. 40 к., сколько в Кочкорской—не знаю. В других Загорных волостях собирали также, но сколько именно—я не знаю.

К этому добавляю, что другие законные сборы у нас собирались отдельно, и «чыгын», о котором я говорил выше, ничего общего с законными земскими, податными и сборами пожертвований не имеет. Пожертвования на дело войны собирались по приговорам. Жертвовали много. Так, в январский приезд пристав Байгулова было собрано пожертвований от 100 багачей, причем из них жертвовали по 30 рублей, по 15 рублей и по 10 рублей, именно такими цифрами. Эти деньги были переведены волостному управителю Карасаеву в присутствии стражника пристава Бабаева и другого стражника заведующего Меньшикова, но дошли ли эти деньги по назначению, мне неизвестно.

Пристав Байгулов с семьей, которая у него большая, и джигитами приезжают как бы в гости к богатому киргизу и что понравится, просят у киргиза подарить им. Они объезжали почти всех багачей-киргизов в сопровождении волостного управителя и брали лошадьми, коровами или главным образом деньгами. Был Байгулов с двумя сыновьями у моего сына Карыкпая, и у него взяли волчью шубу в 300 рублей деньгами. Если посмотреть у пристава Байгу-

лова, то эту шубу, я думаю, можно найти. Она волчья, крыта темносиним сукном; нашлись бы ковры и другие вещи. Эти поборы, это вмешательство в выборы и вообще несправедливость и были главными причинами (восстания.—А. З.) в Пишпекском и Пржевальском уездах. В Пржевальском поборы начались раньше, чем у нас, уже давно, и там они были в больших размерах. Особенно большие поборы были в Атбашинском участке при Чон-кол—«большой кулак» (переводчик заявил, что так именовали бывшего Атбашинского участкового начальника Лутина, который сейчас находится под следствием). Особенно сильно отбирал пржевальский уездный начальник, который служил последний год. Фамилии я его не знаю. Брали и его предшественники. Действовал уездный начальник через джигита уездного управления, которого он провел в волостные управители, фамилии я его не знаю. Все киргизы это знают, но заявлять боялись, а я решился вам все это сказать, надеясь на то, что моя семья и мои родственники не страдают от этого. Киргизы отлично знают, кто из начальников берет и кто не берет. Мне это отлично известно, так как моя волость расположена рядом с Пржевальскими волостями. Меньшиков, о котором я говорил раньше, жил в Загорных волостях в школе, а в прошлом году в Кочкорской волости у киргиза Сарбая Джамбаева. Меньшиков смотрел на свой участок как на свои владения и брал у киргизов все, что хотел, и разбогател и имел свой скот, табун лошадей, между тем которые были иноходцы и бегуны. Должно быть у него было и много денег. Меньшиков брал, не прикрываясь никакими долгами или другими способами, брал открыто. Жаловаться на побор киргизы боялись, так как из жалоб ничего не выходило, а оставаясь на месте, тот, на которого жаловались, мстит сколько угодно. Эта злоба к Меньшикову и привела к тому, что его убили в Каракечинской волости и убили киргизы именно той партии, которую он дожимал и преследовал в угоду другой. Если бы пристав Байгулов попался киргизам во время мятежа, то его безусловно убили бы первым.

Лет десять тому назад у нас было достаточно земли для нашего скотоводческого хозяйства, которое является главным источником нашей жизни. Однако вели земледельческое хозяйство на своих зимних стойбищах, заготавливая на зиму для себя

хлеб и клевер для скота. Наши зимние стойбища с зимовками и посевами находились в долинах, а летние пастбища были в горах «джайлау», где летом хорошая трава для скота. Здесь в горах были так называемые казенно-киргизские земли с лесом. Мы имели право на этих землях пасти скот, но лес принадлежал казне, а за топливо, которое мы брали в лесу, мы должны были платить деньги, раньше по 30 коп. с кибитки, а после до 90 коп., а теперь 3 рубля. Для охраны леса от вырубki были введены уже давно лесные объездчики. Эти объездчики злоупотребляли своим правом составлять протоколы. Объездчики-капралы, приезжая в аул, всегда имели возможность составить протокол о незаконном пользовании лесом и преследовать таким образом киргизов. Это право породило и особый способ борьбы с протоколами. Волости уславливались платить лесникам и объездчикам своего рода подарки. А именно, когда являлся в волость объездчик, ему собирали 100 — 200 рублей, и он, не объезжая аулов, уезжал обратно на кордон. В Абаильдинской волости совсем нет лесов и лес далеко, но все же объездчики приезжали и к нам, так как у нас есть мелкий кустарник. И во избежание протоколов за порубку лесов и мы собирали для них деньги, и они уезжали. В последние десять лет перешли в единственное пользование казны и те пастбища, которые у нас были в лесу и на лугах между лесами, их у нас отобрали, стеснив наше скотоводство в горах. Я слышал, что в тех волостях, где имеются леса, киргизы продолжают пасти в них скот, но за это принуждали платить лесникам взятки. Абаильдинская и Темирбулатовская волости ранним летом часть скота перегоняют с Каракола в Чуйскую долину через Шамшинский перевал, и этот путь частью приходится проходить лесами, которые расположены по сторонам дороги. За это опять приходится платить «капралам», и это идет в их пользу. С каждого хозяйства платили от 10 до 20 рублей, а таких хозяйств проходит много, так например в 1915 г. прошло до 1.000 хозяйств. Всего на Шамшинском перевале 2 «капрала», но они на свой счет содержат джигитов, обязанность которых — ловить хозяев проходящего скота и доставлять к леснику — «капралу».

Земли, как я говорил выше, было раньше достаточно, но лет 10 тому назад в наших местах появились переселенческие чиновники и начали на наших участках на-

резать земли для переселенцев. Под эти переселенческие участки отбирали наши лучшие земли. Все делалось для переселенцев, а нас игнорировали. Однако не только для переселенческих участков брали землю, но и для оброчных статей — запасные. Под переселенческие участки забирали зимние стойбища с зимовками, а нас передвигали на земли неорошенные и непригодные для хлебопашества и скотоводства. На остальных землях мы не имели возможности пасти наш скот и принуждены были для скотоводства и хлебопашества арендовать земли у переселенцев-казаков и у казны — оброчные статьи, платя большие деньги. Скотоводческое хозяйство все более и более падало, но о нас переселенческое управление не заботилось. Таким образом у нас отбирали долины для переселенцев-казаков и оброчных статей, а лес на горах — в лесное ведомство, оставив нам очень незначительное количество хорошей земли и бесплодные горы».

Продолжение показаний 21 ноября 1916 г.: «Этот земельный недостаток заставил киргизов арендовать земли у переселенцев-казаков и оброчные статьи у управления государственных имуществ. Нам предлагали перейти на оседлость, но это не устраивало киргизов, так как их главное занятие — скотоводство. Вначале против перехода на оседлость были богатые люди, которым переход невыгоден, а беднота рада была бы перейти. Таким образом вначале тормоз был со стороны богатей, без которых приговора волости получить нельзя. Однако были случаи, когда согласие извлялось. Здесь переселенческое управление поступало неправильно, а именно, заручившись таким приговором, оно на законном основании отбирало так называемые «излишки» киргизских земель, а фактически забирало лучшие земли, оставляя киргизам худшие и в разных местах, т. е. получалась чересполосица киргизских земель, а для русских выделяли целый участок в одном куске. В результате получалось, что киргиз-хозяин, перешедший на оседлость, имел свой надел в нескольких местах малыми кусками и вести правильное земледельческое хозяйство не мог. Испытав это, против перехода были не только богатые люди, но и беднота. Эта неправильность к туземцам была одной из причин злобы киргизов против русских. При самых переселенческих работах исполнители их — переселенческие работники и вообще служащие пере-

селенческого управления — позволяли себе неправильные действия, а именно, они брали взятки за то, чтобы у киргизов оставить больше земли. Эти взятки киргизы принуждены были платить для сохранения земли. Так например в Кочкорской волости, где волостным управителем сын Кирзабека Дикмобаева—Асылбек, переселенческим чиновникам не дали взятки, и там отобрана почти вся земля в оброчную статью, а эту самую землю кочкорские же киргизы и арендуют. На этих отобранных землях стояли зимовки киргизов, и теперь, взяв в аренду у Управления государственными имуществами эти земли, киргизы живут в своих прежних зимовках. В этих местах работали переселенческие чиновники Богущевич и Мазуренко, жившие первый в Кутмалдах, а второй—не знаю где. Мне известно, что один из указанных мною чиновников взял у киргиза Курманкоджинской волости Курман Лепесова 500 рублей, за что оставил ему его земли, взяв таковые в другой части Курманкоджинской волости. Шел разговор, что кто-то из них взял с киргиза Темирбулатовской волости Тктосуна Бектенова 500 рублей и за это также обошел его земли. В моей Абаильдинской волости в 1911 или 1912 г. также был переселенческий чиновник, пожилой, фамилии его не помню, приехавший из Верного; предлагал дать ему 600 рублей, а он так устроит, что земли не будут отобраны в нашей волости. Этих денег мы не дали, и в волости были отрезаны земли в пользу Темирбулатовской волости, с которыми у нас был спор насчет этой земли. После я узнал, что темирбулатовцы дали этому переселенческому чиновнику 500 рублей. Багущев и Мазуренко из'яли в Абаильдинской волости всю долину Караколка — около 4.000 десятин, где были сосредоточены наши пашни и клеверники. Было это в начале переселенческого дела, и мы еще не знали, что эти чиновники берут взятки. В настоящее время мы уже сами арендуем земли, из'ятые у нас в Каракольской долине. За один год мы платили за из'ятые земли эти 1.900 рублей. Эти земли сдаются в аренду с торгов, и нам волей-неволей приходится брать их по какой угодно цене, так как иначе нам деваться некуда. Наши же, Абаильдинской волости, киргизы принуждены арендовать земли и в Чуйской долине у крестьян-недоселов на урочище Беркулак, Шалшапай и Иссыгаты с платой одного рубля за десятину, причем плату крестьяне назна-

чают в зависимости от зимнего корма скота, а именно, когда киргизы особенно нуждаются, в корме запрашивают дорого, если же потребность меньше, то дешевле.

У нас в обычае, если приезжает кто-либо к киргизу из почетных лиц, к числу которых нужно отнести чиновников, то для них режется баран и оказывается гостеприимство, и это идет за счет хозяина, у которого остановился гость. При приездах к нам переселенческих чиновников такое же гостеприимство оказывалось и им. Но этим гостеприимством многие переселенческие чиновники начали злоупотреблять, а именно: они начали сами забирать баранов для себя. Обыкновенно во время работ для них выставлялась юрта, где они и жили. С ними приезжают их рассыльные—киргизы-джигиты,—которые, не стесняясь ничем, забирают у киргизов для своих господ баранов, которых и гонят к стану, не платя за этих баранов денег, так как киргизы не решаются требовать, а когда потребуют—дают не действительно стоимость, а несравненно дешевле, чтобы не могли сказать, что ничего не заплатили. Ездить жаловаться за барана никто не поедет, так как такая поездка сама дороже обойдется, да и ничего не выйдет, так как администрация при приездах сама делает то же. С рабочими, которые работают по переселенческим работам, обращались многие грубо, но сами редко били, но их джигиты бьют часто.

Лошадей для поездок брали в большинстве бесплатно, и очень редко кто платил прогонные деньги, а администрация—в лице уездного начальника, пристава и других — никогда прогонов не платила. Рабочим из киргизов платили очень мало и брали их по наряду. Все киргизы отлично знали, что переселенческие чиновники обманывали казну и киргизов, так как платили рабочим мало, а расписки брали на большую сумму, и поэтому к ним уважения киргизы не питали, зная их за нечестных людей. Конечно это делали не все, но многие, большинство.

Когда пришли первые русские в Семиреченскую область, я не помню, и отношения первых русских к киргизам мне не известны, но до начала переселенческого движения отношения русских к киргизам и обратно были хорошие, острых или массовых неудовольствий не было, были конечно отдельные случаи, которые никакой роли не играли. Но с появлением переселенцев лет 9—10 тому назад их отношения сразу

стали к киргизам враждебными. Киргизов называли они «собаками», и началось их соответственное обращение. Начались недоразумения с выпасом скота, а затем уже формальные набеги на киргизский скот. Часто крестьяне (казаки-переселенцы.— А. З.) толпой приезжали на соседние киргизские земли и, отобрав у наших пастухов скот, угоняли к себе в селение, а после требовали подкопытный сбор за поправу, которой в действительности не было. Делали и больше. Приезжали ночью к аулу и от самого аула угоняли скот, а потом требовали «подкопытный сбор». Этот сбор брался в размерах в среднем от 1 руб. до 1 р. 50 коп. за лошадь и рогатый скот, но случалось, что брали за лошадь вместо платы барана. Бывали случаи, что киргизы жаловались, но выкупать все же выкупали, так как пока дойдет жалоба, то скот от голода и жажды издохнет. Жалобы поступали к администрации, и она передавала к судьям, дело кончали миром. На почве захвата скота были случаи убийства крестьянами пастухов, которые пытались не дать скота. Так например убит был в Исситатинской волости 3 года тому назад киргиз Малани. Были убийства в Каракичунской, Джамансартовской волости и других волостях. Таких убийств было много. Несколько последних лет начал практиковаться способ взыскания с киргизов денег за пропавший у крестьян и казаков скот в административном порядке, т. е. по приказанию начальства. Мне известны факты, что крестьяне ложно показывали, что у них пропал скот, и администрация заставляла платить за скот, которого не существовало.

Такие случаи были часто в селении Столыпина, и киргизам Кочкорской, Боручинской, Джувацарыжской и др. волостей приходилось платить за этот скот. За этот пропавший якобы скот заставляли платить и мою Абайльдинскую волость, несмотря на то, что она отстояла за 60 верст, и я с трудом уговаривал заведующего полицейской частью Меньшикова не взыскать с нас, так как мы здесь не при чем. Кем введены были эти правила о взыскании с киргизов за пропавший скот, я не знаю. Все это отражалось и на отношении старожильцев-русских к киргизам, и отношение их испортилось. Таким образом между русскими, главным образом новосельцами, и киргизами установились враждебные отношения: со стороны русских явная, а со

стороны киргизов скрытая злоба против русских».

Продолжение показаний 23 ноября 1916 г.: «Продолжаю свое показание относительно пожертвования 100 богачами денег на нужды войны.

Это пожертвование было не добровольное, а по требованию пристава Байгулова, который в нашей волости заявил, что в других волостях богатые люди жертвовали по 60 рублей. Мы начали упрашивать, чтобы с нашей волости взяли поменьше, говоря, что деньги и разные вещи мы уже жертвовали несколько раз. При обращении администрации к киргизам о пожертвовании администрация указывала, что нас не берут на военную службу, что мы не оказываем помощи людям и что взамен этого мы должны жертвовать деньгами и вещами. Так, осенью прошлого года, зав. полицейской частью Загорных волостей Меньшиков собрал манапов—должностных лиц всех 9 загорных волостей — на урочище «Ак-Ушук» («Белая высота») и говорил нам, что мы освобождены от несения воинской повинности, а потому мы должны помогать русским деньгами и вещами. Мы охотно жертвовали от 1 р. до 25 руб. Я лично жертвовал 10 руб. Деньги там же сдали наличными Меньшикову. Меньшиков никому квитанции не выдал, а записал в своей записной книжке. Ученье, сколько именно тогда жертвовали, трудно. Народу съехалось много, и жертвовали денег больше чем 1.000 чел. Во всяком случае в среднем пожертвования были не менее 5 рублей с человека. Приговором на пожертвования в этот раз и в то время, когда собирали деньги со ста киргизов нашей волости, у пристава Байгулова не было. Когда объявили о призыве рабочих от туземцев, что поняли неправильно, а именно как введение воинской повинности, киргизы обсуждали, что при сборе пожертвований им раз'ясняли, что именно эти пожертвования даются ввиду того, что мы не отбываем воинской повинности. Сам я неграмотный, но слышал от киргизов, что было воззвание губернатора, в котором губернатор приглашал киргизов к пожертвованиям, указывая, что киргизы не несут воинской повинности. В прошлом году осенью из газет киргизы узнали, что предполагали брать солдат от киргизского населения. Этим вопросом киргизы живо заинтересовались и обсуждали его. Общее мнение киргизов было,—что они не подготовлены к несению такой службы, так как

Восставшие киргизы разрушают железную дорогу, чтобы помешать прибытию русских войск

не знали языка, не знали даже городской жизни, и что слух о призыве туземцев не более чем вымысел. От стариков я слышал, что при переходе в русское подданство одним из белых царей (акпадша) было обещано, что киргизы никогда не будут братья в солдаты, о чем знают все киргизы. Первые сведения о призыве рабочих в действующую армию были получены в разных волостях в виде призыва не рабочими, а солдатами. В июле месяце слухи эти встревожили киргизов, но сомневались, так как знали о существовании письменного обещания белого царя — не брать от киргизов солдат. После того, как распространились эти слухи, волостных управителей потребовал к себе через джигитов пишпекский уездный начальник, куда они и поехали. По возвращении из Пишпека волостные управители объяснили, что призывают киргизов не солдатами, а для каких-то других надобностей в действующую армию, но конечно для солдатской службы. Это мнение киргизов усилилось и тем, что некоторые русские говорили киргизам: «Дошла очередь и до вас служить на военной службе». Почетных лиц и манапов Загорных волостей никто из администрации не вызвал и никто не разъяснил вопроса о призыве. Вызвали и беседовали уездный начальник, токмакский пристав и зав. полицейской частью только с волостными управителями. Волостным управителям не верили. Волостные управители от имени начальства требовали, чтобы в волостях были составлены приговора со списками

рабочих. Это распоряжение киргизы поняли, что местное начальство, начиная от губернатора и ниже, желая выслужиться перед высшим начальством, хочет отобрать у нас приговора о нашем желании нести военную службу. Это убеждение имело основание и потому, что киргизам было известно, что Пржевальский Уездный начальник в прошлом году потребовал составить приговора о том, чтоб несколько человек киргизов изъявили желание идти добровольцами в действующую армию. В действительности этих лиц по несколько человек от волости назначили. Я лично был в прошлом году в Токмаке, когда эти добровольцы отправлялись в Россию, и я разговаривал с ними. Они шли не по своей воле, а потому, что это потребовало начальство. Из этого факта я сам также заключил, что здесь с военной службой была проделка местных властей. При увеличении податей два года тому назад увеличили подати и никто не просил приговоров, а прямо приказали платить. Также, когда ввели два года тому назад военный налог с неотбывающих воинской повинности, который мы платим по 1 руб. 84 коп. с кибитки, никто приговоров не требовал, а просто приказали платить. Плата нами военного налога взамен отбывания воинской повинности в связи с требованием приговоров еще более укрепила в нас мнение, что призыв является добровольным, исходящим от местных властей, и мы вправе отказаться, и если от нас настойчиво требуют, то исключительно местное на-

Преследование киргизов карательным отрядом

чальство с целью выслуживания. В каждой волости почти ежедневно были сборища молодежи, подлежащих к призыву на военные работы, и на этих сборищах выяснилось, что молодежь не согласна идти, а решила бежать в пределы Китая. Были собрания (с'езды) при участии должностных лиц и манапов, причем несмотря на то, что манапы были уверены, что именно местное начальство указывает призыв по своему почину, все же они склонились, чтобы удовлетворить это требование, потому что боялись мести администрации в случае отказа. Но молодежь категорически отказалась дать свое согласие. Зав. полицейской частью Меньшиков вызвал к себе в конце июля на Джамгап в казенную школу должностных лиц для составления приговоров, но молодежь—часть пятидесятников—не отпускали, а у некоторых отбирали печати, говоря, что должностные лица хотят их сдать в солдаты. При сборищах молодежи я слышал, у них была «бата» в каждой волости отдельно, но общего собрания нескольких волостей не было и общей «баты» также не было. Несомненно, как мне известно, что в каждой волости отлично знали, что делается в соседних волостях. Я забыл сказать, что в наших волостях—русские писаря. Эти писаря также поддерживали слухи о том, что берут в солдаты. Не знаю, для чего они это делали, но ду-

маю, что просто смеялись над киргизами. Оружия никто не делал, и разговоров в Загорных волостях о восстании не было. Молодежь лишь стремилась убежать в Китай. Приговора составлены не были. В начале августа месяца к 5 числу и т. д. уездный начальник Рымшевич вызвал в Пишпек волостных управителей, и 6-го вечером с ними разговаривал, потребовав, чтобы через 2 дня ему были представлены приговора со списками рабочих. На 7 августа к уездному начальнику в Пишпек были вызваны почетные лица и должностные лица ото всех Загорных волостей и от Атекинской и Сарабагишевской волостей. Мы в числе около 300 чел. были во дворе уездного управителя, куда к нам вышел уездный начальник Путинцев, к которому мы обратились с заявлением, что молодежь не соглашается давать людей и идти. С уездным начальником говорили трое в присутствии остальных. Уездный начальник нам ответил, что он должность сдал, и нам нужно говорить с новым уездным начальником Рымшевичем, а он хочет обратиться к нам с просьбой, ввиду его ухода с должности, в честь его построить на Арасане (иссыгатинские минеральные воды) барак для больных, мы тут же согласились дать со всех здесь бывших волостей по 30 коп. с каждой кибитки. Во время разговоров с Путинцевым к нам вышел Рымшевич, к

которому мы обратились с тем же заявлением о нежелании молодежи подчиниться требованию о составлении списков и приговоров и просили его вызвать войска. Это заявление было сделано в присутствии Путинцева, добавляю, что о вызове войск просили и Путинцева. В начале августа, 1, 2 и 3 с просьбой о вызове войск мы обращались и к Меньшикову, который приезжал к нам по поводу набора лошадей. Меньшиков нам ответил, что он сам едет в Пишпек и доложит уездному начальнику. После этого он был в Пишпекке и присутствовал 7 августа, когда мы были у уездного начальника. Рымшевич с нами не разговаривал, а просто повернулся и ушел, и из этого мы заключили, что нас вызвали не для того, чтобы решить наболевший вопрос о призыве рабочих, а для того, чтобы мы пожертвовали деньги на постройку на Арасане барака имени Путинцева.

ПРИМЕЧАНИЕ. Пишпекский уездный начальник подполковник Путинцев сдал должность своему помощнику, подполковнику Рымшевичу, подал прошение об отставке и был в это время в отпуску впредь до отставки Ротмистр Железняков.

Это и составляло тему наших разговоров, но вскоре мы раз'ехали; я переночевал в Каракичинской волости недалеко от города и на другой день поехал в Токмак, где в тот же день, 8 августа, узнал, что взбунтовались Атекинская и Сарабагишевская волости. Был ли в это время Хисамутдин Шабданов уже в своей волости, я не знаю, но знаю, что он остановился ночевать в Пишпекке. Раз'ясняю, что о бунте Сарабагишевской и Атекинской волостей я узнал недалеко от Токмака от бежавших из Токмака киргизов и не решился туда ехать, так как узнал, что в Токмаке набирают лошадей у киргизов и что пристав уехал в Сарабагишевскую и Атекинскую волости. Переночевал я у киргиза около Токмака и на другое утро уехал через Шамшинское ущелье к себе в волость, ночевал я в ночь с 8 на 9 августа в пустой зимовке, а 9 на 10 августа в Кегетинском ущелье у бывшего волостного управителя Шамшинской волости, манана Мамбеталы Мураталинова, который мне говорил, что он полагает, что бунт, поднятый Сарабагишевской и Атекинской волостями, будет подавлен, так как туда выехали с войсками Рымшевич и Файгулов, но что молодежь Шамшинской волости начала убежать к са-

рабагишевцам и атекинцам и что он уговаривал молодежь, но ничего сделать не может. Десятого я выехал от Мамбеталы и в тот же день прибыл к себе в Абаильдинскую волость. От Шамданова еще до начала бунта шли сведения, что почетный киргиз манан Кадыр получил согласие китайских властей на принятии в случае побега киргизов в китайские пределы и что там отвели для них землю. До восстания никаких сведений, что китайцы, немцы или турки обещали в случае восстания помочь деньгами, оружием или людьми и руководителями, не было. Имелись лишь сведения, как я говорил выше, что обещали китайцы принять беглецов, и эти сведения исходили от Шабланова, сославшегося на Кыдыра. До восстания посторонних лиц, которые бы подбивали к восстанию в Загорных волостях, не было. Приехав в свою волость 10 августа, я узнал, что на Столышино напали киргизы соседних Пржевальских волостей, а именно Семисбилинской, Киазбековской, Ворокчинской и Джуванарыкской, и что большинство крестьян бежало, но куда сбежали, известно не было. 11 августа до нас дошли сведения, что в долине реки Джулпола, Джулполская, Каракинская и Курманходжинская волости разгромили одно селение, которое было в долине Джумгела. В это время настроение в Абаильдинской волости было возбужденное, молодежь или хотела бежать в Китай или присоединиться к мятежникам, или пржевальским или джумгалским. Мананы были в нерешительности и растерялись, так как не знали, что делать. Одного объединяющего начальника не было и каждый вел свою волость на Столышино».

Подлинный за надлежащими подписями.

Верно: Письмоводитель (подпись неразборчива).

ДОКЛАДНАЯ записка*

23 марта сего года по поручению начальства Азиатской части Главного штаба я посетил рабочих-туземцев Туркестана, назначенных, в порядке реквизиции, на работы

* Докладная записка подпоручика Матвеева извлечена из дела № 55, л. 5-6 Азиатской части главного штаба Военного министерства в Военно-историческом архиве в Москве.

на ст. «Сортировочная» в ведение автомобильного отдела.

По случаю дня похорон жертв революции работ не было, и рабочие находились в отведенных для них жилищах, где я и имел возможность при помощи переводчика собрать некоторые сведения, касающиеся условий их жизни.

Всего рабочих, квартирующих на ст. «Сортировочная», 1.300 человек, из них около 900 человек сартов и около 400 человек туркмен.

Большинство рабочих размещено в земляных бараках и около 200 человек в вагонах-теплушках.

Земляные бараки, вообще мало приспособленные для жилья в них, особенно оказались непригодными для туземцев-южан.

Внутреннее помещение этих бараков разделяется довольно узким проходом на две половины. По обеим сторонам прохода устроены двухэтажные нары, причем верхний этаж, повидимому, служит местом для склада вещей. У самого потолка укреплены деревянные шесты, предназначенные, очевидно, для сушки одежды и обуви. Никаких распределительных перегородок на нарах не имеется, и люди помещаются на них, соприкасаясь друг с другом.

Сырость, испарения от сохнувшей одежды и обуви, обилие находящихся в бараке людей делают воздух невыносимым. Здесь же находятся и больные, многие из которых не имеют сил подняться. Нахождение в бараках этих больных объясняется, по словам одного из присутствующих административных лиц, недостатком свободных мест в больнице, а также большим числом больных.

Положение рабочих, помещенных в вагонах-теплушках с самого приезда их на работы и находящихся в них в течение пяти суровых зимних месяцев, находилось в еще более худших условиях.

Несмотря на их жалобы, администрация до последних дней не позаботилась о предоставлении рабочим более подходящих для жилья помещений. Между тем несомненно имела полную возможность при самых ограниченных затратах, при участии этих же рабочих и небольшом числе руководителей выстроить, подобные хотя бы существующим, бараки. К тому же освободились бы пустые для перевозки вагоны. В настоящее же время, подыскав в Петрограде помещение, администрация переселяет туда рабочих, т. е. в тот момент, когда наступила сравнительно теплая погода.

и весьма понятно, туземцы воспротивились этому распоряжению тем паче, что старики-туземцы вообще не желают, чтобы рабочих помещали в городе, имея в виду пагубное действие городской жизни на молодое поколение.

Трудно передать словами то невыносимое положение, создавшееся благодаря вышеуказанным мероприятиям администрации. Здоровые туземцы, плача, а больные со стоном, оставляли вагоны и располагались тут же на снегу. Прямо каким-то кошмаром кажутся высохшие желтые лица с воспаленными глазами, полными слез, с протянутыми руками с мольбой вернуть их на родину.

В таком печальном положении находятся условия жизни туземцев—в бараках и вагонах-теплушках. Огнюдь не лучше, судя по ответам туземцев, обстоит дело с пищей, одеждой и жалованием.

Пищу, по словам рабочих, они получают два раза: утром, перед началом работ, полагается чай с хлебом и вечером, после окончания,—ужин, состоящий из рисовой похлебки с конским мясом или, за неимением последнего, с жиром. Хлеб выдается черный, в размере одного фунта на человека в сутки, рису— $\frac{1}{8}$ фун., точного веса мяса рабочие установить не могут, указывая что в день с'едается одна лошадь. На всех выдается сахару около пуда в месяц. Иных продуктов, кроме указанных и еще соли, рабочие не получают. Изнуренный вид большинства рабочих вполне подтверждает недостаточность питания. Одежда, выданная по приезде туземцев, состояла из: 12—15 полушубков на сотню, 12—15 пар валеных сапог, 50 штук рукавиц, и всем было выдано по паре нижнего белья. Теперь, во время весенней распутицы, рабочие особенно нуждаются в обуви, недостаток которой ощущался и раньше. Жалование получается по непонятной для туземцев расценке: некоторые получают больше, некоторые меньше, причем цена колеблется от 1 до 70 рублей в месяц. Такое различие окладов объясняется вероятно тем, что больные совершенно не пользуются содержанием, а затем—вычетом из жалования стоимости отпущенной одежды и обуви. Жалование выдается по табели, но ввиду того, что большинство сотских неграмотно, проверка табели не производится, а просто подписывается ими. Поэтому, правильно ли выдается жалование или неправильно, рабочие не могут определить.

Рабочий день начинается с 7 часов утра и продолжается до 6 часов вечера, но ввиду того, что место работ находится в 1½ — 2 час. езды от барачных, рабочие принуждены подниматься в 5—6 часов утра. Работы заключаются в разгрузке и сортировке вагонов, распиловке дров, очистке путей и проч. Производятся работы ежедневно, так как праздничных дней нет. За все 5 месяцев рабочими праздновались лишь два дня: первый день Рождества Христова и день похорон жертв революции.

По средам и пятницам предоставляется баня, но пользоваться ей в той мере, как было бы желательно, не приходится, так как работы идут своим порядком, а баня топится от 9 час. утра до 9 час. вечера, следовательно в распоряжении рабочих остается 1—1½ часа в день. За все время, по словам рабочих, они мылись три раза.

В дополнение к вышеизложенному в порядке жалобы рабочими заявлена претензия на частые случаи применения унтер-офицерами по отношению к ним физического воздействия, о существовании взяточничества, о притеснении жалобщиков и

намеренное умаление авторитета выборного туземцами тысяцкого.

Затем рабочие обратились с просьбой передать их ходатайства через начальство: 1) перевод их в более подходящие климатические условия; 2) оставить выселяемых из вагонов рабочих на прежних местах квартирования и 3) невыданное администрацией содержание умерших и беглых выдать на вознаграждение за расходы по похоронам тем лицам, кои на это потратили свои собственные деньги.

Вот все сведения, добытые мной при посещении рабочих-туземцев, о чем и докладываю.

Впечатление от этого посещения прямо ужасное, кажется будто привезены были туземцы Туркестана не для работ, а для создания в них ненависти к русскому государству. Необходимы большие усилия для устранения той обиды, которую должны испытывать ни в чем неповинные туземцы, находящиеся в столь несправедливо жестоким условиях.

Подпоручик *Матвеев*.

17 марта 1917 года.